

Все эти скрытые клинки и дротики Су Бэйлян еще вчера отрыл на дне какого-то сундука. Похоже, ими пользовался прежний владелец тела — сгруженное в кучу барахло, с назначением которого Бэйлян до конца так и не разобрался.

Впрочем, вещицы казались слишком громоздкими для точеных пальчиков наследного принца. Попробуй тот сжать такое рукоятью — скорее сам покалечится, чем зацепит обидчика.

Поэтому Бэйлян не пожалел двух баллов и заказал в системном магазине подгонку. Оружие уменьшили на размер, отчего оно обрело почти игрушечный, умильный вид.

Любуясь аккуратными металлическими штучками, Бэйлян решил опробовать их в деле. Он совсем забыл: скрытые клинки лишь выглядят безобидно, но бритвенная острота никуда не делась. Едва касаешься стального кончика — и на пальце уже алеет порез.

Причем боль приходит не сразу.

Лишь перебрав всю кучу, он заметил, что обе ладони изрезаны в кровь.

Заметив, с каким замешательством Су Цянь разглядывает клинки, Су Бэйлян решил, что мальчик попросту не умеет с ними обращаться. Это осложняло дело, ведь сам Бэйлян в тайном оружии тоже не смыслил ни черта!

— Если ни к чему душа не лежит, бери обычный кинжал или короткий клинок, — вполголоса посоветовал он. — Главное, когда вытаскиваешь из ножен, сжимай рукоять крепче, чтобы не порезаться.

Совет рождался из собственного горького опыта.

Если не разбираешься в чем-то — хотя бы не лезь с дурным любопытством, иначе пожалеешь!

Су Цянь выудил из вороха серебристый кинжал, поднес к самым глазам и принялся внимательно разглядывать лезвие. То ли и впрямь знаток, то ли вид делает, но откликнулся он вполне серьезно:

— Заточка неплоха, да вот беда — заправлено лишь одно лезвие.

В голосе его прозвучало искреннее сожаление, отчего Су Бэйлян окончательно встал в тупик.

— А разве у ножей бывает два лезвия? — не удержался он. В его представлении обоюдоострой бывает только шпага или меч, но уж никак не кухонный нож.

Су Цянь едва заметно улыбнулся:

— У вашей Сабли Белой Ночи лезвия два, дядя.

Су Бэйлян онемел.

Серьезно?

И такой канон тут есть?

А он и не ведал!

В романе Сабля Белой Ночи служила постоянным оружием вана Ляна. Тот носил ее у пояса и не расставался с ней ни на миг. Бэйлян даже успел разглядеть оружие, когда принимал ванну и переодевался: с виду обычная изящная изогнутая сабля, похожая на полумесяц, с клинком белым и чистым, точно свежавыпавший снег. А вот заточку он как-то не сподобился проверить.

Впрочем, Саблю Белой Ночи выковывали в землях Южного Колдовства, и в государстве Дунсюань мало кто владел подобным оружием. Но ван Лян славился безупречным мастерством мечника, отчего и его сабля стяжала жутковатую славу.

В поднебесной говаривали: «Обнажится Белая Ночь — померкнут луна и звезды».

Мощь ее якобы способна была затмить само небо. Кто из фанатов выдумал эту красивую чушь, Бэйлян не знал. Да и какое ему дело? С его навыками хоть саблю дай, хоть кухонный топорик — все одно только яблоки чистить.

— Быть может, дядя одолжит мне свою Саблю Белой Ночи? — продолжал между тем Су Цянь, протягивая руку. — Два лезвия надежнее одного: один удар — и у врага сразу две раны. Так ведь больше шансов на победу, верно?

Су Бэйлян взглянул на раскрытую ладонь мальчика, и в голове его пронесся вихрь тревожных мыслей.

Какая уж тут победа! С нынешней-то силой главного героя... Будь у него в руках хоть легендарный мечерез, против опытного бойца он все равно что мешок для битья.

Бэйлян лишь надеялся, что мальчик сумеет защититься и не получит душевную травму от того старого мерзавца.

По сюжету едва начался ночной пир, как ван Лян под предлогом важных дел бросил

маленького принца одного, позволив посланнику Цися, Пэйлаэру, приставать к нему. Хотя до крайности дело тогда не дошло, пережитый ужас глубоко въелся в память ребенка.

И когда герой набрался сил и вернулся во дворец, первым делом он разделал своего обидчика на куски. А перед этим натравил на него свору псов, и те заживо отгрызли мерзавцу его плотское достоинство...

При одном воспоминании об этой сцене Су Бэйлян судорожно сглотнул. Нашупав у пояса саблю, он без колебаний вложил ее в руки Су Цяня.

Да уж, мальчишкам в этом мире надо беречь себя.

Особенно тем, у кого есть склонность к почернению души!

Стоит травмировать им психику в детстве — и повзрослев, они гарантированно сровняют этот мир с землей.

Бэйлян твердо решил: он сделает все, чтобы защитить наследного принца. Если же сюжет вильнет и придется импровизировать, пускать в ход оружие он позволит мальчику только в самом крайнем случае.

Бэйлян склонился над столом, собирая раскиданные скрытые клинки, а Су Цян замлел, глядя на тяжелое оружие в своих руках.

Настоящая Сабля Белой Ночи...

Неужели Су Бэйлян вот так просто отдал ее?

Жители Дунсюаня могли не знать тонкостей, но в Южном Колдовстве изогнутые клинки считались священными оберегами. Они сопровождали воина от первого вздоха до последнего, служа не просто оружием, но символом веры.

При жизни их носили у самого сердца, а после смерти укладывали в гроб вместе с хозяином.

Но главное — никто не смел коснуться чужого клинка. Подобная честь предназначалась лишь избраннику сердца, единственному и любимому на всю жизнь.

В прошлой жизни Су Цянь уже держал эту саблю в руках, но тогда он вырвал ее из рук Су Бэйляна силой.

Нынче же тот отдал ее сам.

Мальчик потянул рукоять, высвобождая лезвие из ножен. Холодная сталь блеснула, отражая его темный, задумчивый взгляд.

Бэйлян мельком глянул на племянника: кадык того судорожно дернулся, а уголки глаз заметно покраснели. Удивленный, Бэйлян лишь недоуменно качнул головой.

Подумаешь, дал поддержать саблю — к чему столько чувств?

Вскоре экипаж доставил их ко дворцу. В сопровождении евнуха Су Бэйлян и наследный принц прошли в Императорский сад.

Из глубины парка доносился детский смех — там резвилась целая орава царственных отпрысков. Навстречу им вынырнул некий чиновник — заместитель министра Ху.

— Приветствую вана Ляна, приветствую наследного принца! Сколь давно мы не виделись, — всплеснул руками тот.

Су Бэйлян бросил на него короткий взгляд. Совершенно незапоминающаяся физиономия, в памяти ничего не всплывает. Поэтому он лишь скупой кивнул, всем видом демонстрируя холодную отстраненность.

Су Цянь и вовсе проигнорировал приветствие.

Очевидно, этот господин Ху не принадлежал к числу близких сторонников. Но лишенный чутья чиновник, не замечая чужого равнодушия, увязался следом.

— Только что видел, как слуги несли новые диковины, — не унимался Ху. — Говорят, их привезли из далеких земель иностранные посланники. Второй принц с братьями как раз собираются у цветника. Не желает ли Его Высочество наследный принц присоединиться? Все-таки давно не виделись с братьями.

Су Бэйлян коснулся взглядом лица племянника. На нем косыми буквами было написано: «Видеть их не хочу».

И то верно: только глупец мог подумать, будто родной сын императрицы и бастард приживутся под одной крышей. Не вызволи ван Лян в свое время Су Цяня из небытия, на престоле наследника сидел бы сейчас Второй принц. Такую обиду кровью смывают, о каком братском согласии тут речь?

Бэйлян уже собрался отшить навязчивого господина Ху, как вдруг почувствовал, что пальцы Су

Цяня, сжимавшие его ладонь, разжались. Мальчик поднял взгляд, полный кроткой печали, и тихо промолвил:

— Господин Ху прав. Я давно не видел братьев. Пойду засвидетельствую свое уважение, иначе августейший родитель вновь упрекнет меня в нечестивости и дурных манерах.

Вид у него был настолько несчастный, будто его отправляли на плаху. Он пересиливал себя лишь ради того, чтобы не расстраивать императора — хотя все его старания изначально были обречены.

Сердце Су Бэйляна сжалось от жалости.

— Что ж, поздоровайся и сразу возвращайся. Я буду ждать тебя в переднем зале.

— Хорошо, — кротко кивнул принц.

Едва Су Бэйлян в сопровождении чиновника скрылся из виду, кроткое выражение с лица Су Цяня мгновенно испарилось. Слушая далекий гвалт резвящейся детворы, он неспешно побрел под сенью виноградных шпалер.

У самого края аллеи на траве лежала яркая игрушка.

Су Цянь наклонился и поднял ее. То была красная ветряная мельница размером в пару ладоней. С виду самая обычная: четыре лепестка весело кружились от малейшего дуновения, но снизу к рукояти крепилась крошечная флейта.

Стоило зажать пальцами отверстия, как вращение лопастей рождало мелодичный свист, менявший тон. При определенной ловкости получалась нехитрая, но приятная слуху песенка.

Покручивая мельницу в руках, Су Цянь вышел на площадку, где играли младшие принцы.

Его гардероб полностью находился на попечении вана Ляна, любившего алые и пурпурные шелка. Сочный плащ из красной парчи, подбитый шелком, привлекал внимание за версту, а яркая, точеная красота мальчика лишь подчеркивала этот царственный наряд.

Стоило ему появиться, как бегавшие вокруг дети замерли и воззрились на него.

Для дворцовых ребятишек, редких гостей во внешнем мире, наследный принц казался почти незнакомцем.

Второй принц поначалу скривился в высокомерной мине, но едва его взгляд упал на поющую

ветряную мельницу в руках Су Цяня, лицо его перекосилось.

Это же его красная мельница!

Посланник из государства Цися привез в подарок императорским отпрыскам семь поющих ветряных мельниц — по одной на каждого. И он, Второй принц, лично выбрал самую красивую, алую! Как она оказалась у Су Цяня?

Он торопливо похлопал себя по поясу и обомлел: ветряк, еще недавно торчавший за кушаком, бесследно исчез.

Сгорая от досады, Второй принц шагнул к Су Цяню и властно протянул руку:

— Это мне подарил августейший родитель! Зачем ты украл мою вещь?!

Второго принца с малых лет кормили отборными яствами, он рос крепким и ладно скроенным, а наставники из императорской гвардии уже учили его боевым искусствам. На его налитых силой руках проступали жилки, и таким кулаком он запросто мог свалить небольшого теленка.

Но стоит ли говорить, что, сжав пухлыми пальцами древко поющей ветряной мельницы и попытавшись вырвать ее, он не сумел даже пошевелить руку Су Цяня.

Второй принц покрылся холодным потом. Су Цянь стоял перед ним с безучастным видом, а на дне его темных глаз плясали едва заметные насмешливые искры.

Прежде хватало легкого толчка, чтобы этот заморыш пролетел пару шагов и растянулся на земле! Откуда у него взялась такая сила?

Разъяренный принц вцепился в игрушку обеими руками и налег всем весом, намереваясь вернуть свое любой ценой.

Он уже уверился в победе, как вдруг Су Цян разжал пальцы.

Потеряв опору, Второй принц взмахнул руками, завалился назад и с маху грохнулся задом прямо на каменную лестницу.

От резкой боли он зашелся оглушительным ревом.

Сгрудившиеся неподалеку младшие принцы — мальчишки лет восьми-деяти — и несколько девочек, лепивших куличики из грязи, в ужасе отхлынули назад. В этот момент на плач прибежала сама Императрица в сопровождении свиты.

— Августейшая мать! Он отнял мою мельницу и толкнул меня! Я больно ударился о камни! — запричитал Второй принц, едва увидав мать.

Придворные дамы и консорты, сопровождавшие Владычицу, тут же разобрали своих чад и поспешили удалиться, дабы не оказаться втянутыми в опасную дворцовую усобицу.

Вскоре в саду остались лишь трое.

Императрица даже не взглянула на ревущего на земле сына. Холодным тоном она велела старшей служанке увести его, а сама повернулась к Су Цяню, распростерла руки и обворожительно улыбнулась:

— Цянь-эр так давно не появлялся во дворце. Мать уже извелась без тебя. За эти месяцы ты заметно подрос и стал еще краше. Подойди же ближе, дай мне взглянуть на тебя!

Голос её лучился материнской нежностью и теплотой.

Каждый, кто увидел бы эту сцену со стороны, без сомнений решил бы, что перед ним мать, встречающая бесконечно любимого родного сына.

<http://bllate.org/book/20606/2131047>